

Андрей Ганин

БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ А.Л. НОСОВИЧ И БЕЛОЕ ПОДПОЛЬЕ В КРАСНОЙ АРМИИ В 1918 Г.

АННОТАЦИЯ

Статья¹ посвящена истории подпольной антибольшевистской работы в Красной армии одного из высокопоставленных советских военных деятелей, помощника командующего советским Южным фронтом бывшего генерала А.Л. Носовича. Обнаружение во Франции уникального личного архива генерала позволило исследовать этот вопрос. Деятельность бывшего генерала А.Л. Носовича как высокообразованного и высокопоставленного белого разведчика в Красной армии в мае-октябре 1918 г. чрезвычайно интересна, поскольку позволяет по-новому осмыслить историю становления Красной армии, историю белого подполья, работу военспецов и эволюцию командных кадров РККА, события обороны Царицына и деятельности там И.В. Сталина, а также ряд других вопросов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданская война в России; белое подполье; А.Л. Носович; Южный фронт.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ на фоне приближающихся столетних юбилеев ее ключевых событий неизбежно находится в центре общественного внимания. Одной из важнейших задач изучения этой темы является поиск и выявление новых источников, освещающих те или иные события. Особенно значимо это для истории борьбы спецслужб, документальная база которой в силу специфики особенно фрагментарна. По одним лишь делопроизводственным документам реконструировать эту тему затруднительно. Лишь привлечение всей полноты источников, включая документы личного происхождения, позволяет реконструировать события тайной войны. Речь идет прежде всего о воспоминаниях участников событий

(при их надлежащей проверке и соотнесении фактических данных с тем, что известно из других источников).

В Библиотеке современной международной документации в парижском пригороде Нантер хранится уникальный личный архив видного белого агента в Красной армии генерала Анатолия Леонидовича Носовича (1878–1968). Материалы этого труднодоступного для специалистов архива были выявлены и впервые исследованы автором этих строк. Как удалось установить, в архиве офицера хранятся несколько редакций его воспоминаний, имеющих большое значение для изучения истории Гражданской войны в России, в том числе в аспекте противоборства спецслужб.

Современники оценивали Носовича как деятельного, решительного и мужественного офицера с живым умом и несомненной склонностью к приключениям². В начале 1918 г. А.Л. Носович оказался в Киеве, где наблюдал оккупацию города немцами. Киевские впечатления оказали на него сильное влияние³. По его свидетельству, в Киеве генерал А.М. Драгомиров, утративший связь с Доном и Кавказом, одобрил решение Носовича пробраться в Москву и оттуда установить связь с Добровольческой армией.

В Москве Носович появился 9 апреля 1918 г. и на второй или третий день явился во французскую военную миссию к генералу Лаверну и полковнику Корбейлю. Французов Носович убеждал в необходимости поддержки антибольшевистских сил в России. Французы хотели направить Носовича на Мурман, но в итоге туда по рекомендации французского посла Ж. Нуланса отправился бывший генерал-майор Н.И. Звегинцов (Звегинцев), который должен был обеспечить переход Мурманска под контроль союзников. Аналогичным образом в Архангельске должен был действовать полковник Н.Д. Потапов. Звегинцов и Потапов действительно сыграли видную роль в создании на севере антибольшевистского фронта.

Бывшие офицеры, которые уже поступили на службу в Красную армию и беседовали с Носовичем в Москве, оказались лояльными новой власти. Поэтому, установив связь с союзниками, связь с белым подпольем Носович, согласно краткой версии его воспоминаний, наладил позднее⁴. Впрочем, расширенная редакция мемуаров это опровергает. Согласно ей, еще на харьковском вокзале Носович встретил своего старого сослуживца⁵, полковника гвардейской конной артиллерии В.П. Чебышева (племянника выдающегося математика П.Л. Чебышева), служившего в Главном артиллерийском управлении. Эти сведения подтверждаются и в служебных документах Чебышева, который в Харькове официально находился по особому поручению Главного артиллерийского управления, будучи командирован на станцию Мерефа под Харьковом для производства разгрузки артиллерийского имущества 26 марта — 8 апреля 1918 г.⁶

Как вспоминал Носович, *«мы бросились друг к другу. Оба гвардейские офицеры, давным-давно знавшие друг друга, мы сразу сообщили каждый свои новости и приключения. А Чебышев, кроме того, посвятил меня в общую обстановку и в положение населения Москвы. Оказалось, он был в Харькове на разведке от московского*

отделения штаба Добровольческой армии. Ужасаясь всему происходящему, я был чрезвычайно рад встретить его. Он пригласил меня жить у него в Москве. И я тут же решил войти в организацию Добровольческой армии»⁷. Это свидетельство также подтверждается выявленными автором этих строк в фондах РГВА советскими учетными документами Носовича, в которых отмечено, что в Москве весной 1918 г. он действительно жил на квартире Чебышева на Большой Дорогомиловской улице⁸.

В краткой редакции воспоминаний Носович отмечал, что поселился на квартире начальника штаба московского отдела Добровольческой армии полковника Б.А. Страдецкого (в другом месте Носович отмечает, что и Страдецкий жил у Чебышева). Страдецкий затем уехал на Юг⁹. Уже в августе — сентябре 1918 г. он доложил генералу А.И. Деникину о тайной работе Носовича и других лиц в РККА в пользу белых, но такая деятельность не получила одобрения¹⁰. Постфактум Носович отмечал, что, если бы знал о неодобрении этой работы белым командованием, не стал бы и рисковать на протяжении полугода¹¹. Впоследствии в Новочеркасске именно Страдецкий подтвердил причастность Носовича к подпольной организации, что позволило перебежчику снять с себя обвинения в пособничестве большевикам.

В конце апреля — начале мая 1918 г. обеспокоенные отсутствием Страдецкого подпольщики прислали на квартиру отсутствовавшего офицера «вахмистра Сережу», через которого Носович попал в организацию «Союз защиты Родины и Свободы». Как известно, это была не единственная антибольшевистская подпольная организация. Отмечал белый подпольщик и то, что «в Москве появились очень многочисленные, богатые и усиленно работающие организации немецкой ориентации, работающие на обильные немецкие деньги и завлекавшие к себе на удочку монархических реклам самого дешевого свойства. Как, например, нахождения у немцев в Москве вел[икого] кн[язя] Ник[олая] Ник[олаевича] и так далее. Кроме того, ни одна партия не гнушалась клеветой и сплетнями о другой политической ее сопернице»¹². По оценке Носовича, нелегальные организации действовали «самым неумелым образом»¹³. Однажды на Кузнецком мосту генерала окликнул молодой офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, громогласно призывавший его вступить в их подпольную организацию, которая через пару недель поднимет восстание и покончит с большевиками¹⁴.

В воспоминаниях офицера фигурируют реальные участники белого подполья — организации «Союз защиты Родины и Свободы» Б.В. Савинкова — полковники Ф.А. Бриедис (Бредис, Бреде), Б.А. Страдецкий и А.П. Перхуров¹⁵, что позволяет с доверием отнестись к свидетельствам белого агента¹⁶. Носович ошибочно пишет, что подпольщики действовали по директивам генерала М.В. Алексеева, хотя в действительности инициатором отправки руководителей подполья в Москву был генерал Л.Г. Корнилов¹⁷. По свидетельству белого агента, подпольная организация ориентировалась на Добровольческую армию и была наиболее мощной и законспирированной в сравнении с другими.

Как отмечал Носович, «вообще в шт[абе] московск[ого] отдела Д[обровольческой] а[рмии] разбирались три положения для использования меня: а) посылка непосредственно в Добр[овольческую] армию, б) в один из приволжских городов на предмет устройства там центра мятежа, в) в виду моего особого положения — использовать меня на предмет проникновения в центр большевистской военной организации для активного саботажа.

Первое положение отпадало, так как приезд одного человека в больших чинах не играл большой роли, а, кроме того, связь была в настоящее время чрезвычайно трудна: из 10-ти посланных гонцов шесть вернулось, а четыре пропало. В силу этого выехал сам полковник Страдецкий. При получении же мною штаба Северо-Кавказского округа счастливо сочетались второе и третье положения. На основании этих соображений я и получил указания от штаба московского отдела Добровольческой армии взять предлагаемое место начальника штаба и по возможности выполнить пункты: б) устройство центра мятежа и в) активно саботировать.

Мне осталось только повиноваться, ибо таковое условие — повиновение — есть третья обязанность каждого¹⁸. Я принял место нач[альника] штаба.

С этого времени я приступил к активной работе в рядах Добровольческой армии. Это случилось в начале мая¹⁹.

Носович занимался сбором денег для Добровольческой армии и пропагандой записи волонтеров²⁰. Через родственника полковника В.П. Чебышева Носович получил двух надежных помощников: адъютанта, подпоручика Л.С. Садковского и секретаря, поручика С.М. Кремкова.

Садковский сумел бежать к белым, потом попал в плен к красным, избрал церковную стезю и стал епископом, умер в 1948 г. в Псково-Печерском монастыре. Кремков остался у красных, был награжден орденом Красного знамени, сделал карьеру, позднее стал начальником штаба корпуса, был арестован по делу «Весна», несколько лет провел в лагерях, застрелился в 1935 г.²¹ Бывший белый подпольщик многие годы был влюблен в знаменитую революционерку Л.М. Рейснер.

Должность для поручений при Носовиче занял двоюродный племянник Чебышева подпоручик П.А. Тарасенков. Из Петрограда приехал капитан 2-го ранга П.Я. Лохматов. Сам Носович в помощь Чебышеву направил полковника Н.И. Сухотина (он предполагал, что этого офицера расстреляли в Царицыне²²). Как отмечал белый подпольщик, «в дальнейшем при приеме служащих главным руководящим принципом было — бывший офицер»²³. Носовичу была предоставлена полная самостоятельность действий и широкие полномочия.

По заданию подполья Носович вступил в Красную армию. Пригодилось знакомство с бывшим генералом А.Е. Снесаревым, назначенным военным руководителем Северо-Кавказского военного округа. Носович занял при нем должность начальника штаба (формально с 4 мая 1918 г.). Округ имел важнейшее стратегическое значение для предстоявших операций против большевиков и Четверного союза (прежде всего против немцев на Дону и турок в Закавказье). Слухи о том, что Носович ведет двойную игру, ходили

уже тогда. 18 мая Снесарев записал в дневнике: «[Л.М.] Болховитинов говорит, что меня торопят и что в совет[ских?] кругах версия, что Носович собирает своих гвард[ейцев], родичей, контрреволюционеров... Это ложь, и не он ли автор? Вечером пошел к Носовичу, подождал немного, а потом он проводил меня до дому... рассказывая про свои злоключения»²⁴.

27 мая Носович прибыл в Царицын. Как отмечал сам разведчик, «задача — директива, полученная мною, состояла в организации центра белогвардейского мятежа, и главнейшая вредить всеми возможными средствами “большевизму”, оказывая тем самым поддержку Добровольческой армии и всем другим армиям, борющимся с большевиками, ближайшими задачами состояли: сдача важнейшего пункта Царицына добровольцам или казакам и замедление организации и набора Красной армии. Кроме того, в моих руках сосредотачивалась связь с союзниками при посредстве французского консула М-г Charbeau²⁵. Надо отдать должное высоко налаженной связи во французской военной миссии: не успел я прибыть в Царицын, как консул получил шифрованную депешу с указанием, что я свой человек»²⁶. Отметим, что связи Носовича с союзными представителями не были секретом для большевистского руководства уже осенью 1918 г.²⁷

Помимо Носовича приказом народного комиссара по военным делам № 381 от 23 мая на должности в округе назначались и другие его знакомые — начальником мобилизационного управления стал А.Н. Ковалевский, начальником артиллерийского управления — В.П. Чебышев²⁸. Формально считалось, что Чебышев вступил в должность 5 мая²⁹, а Ковалевский — 12 мая³⁰.

В расширенной редакции воспоминаний Носович отмечал, что «формирование штаба было делом немногих дней. Ехала лишь необходимая голова, которую было предоставлено формировать лично мне как начальнику штаба. Само собой понятно, что кроме военного главного руководителя, моего начальника, назначенного Бонч-Бруевичем, Генерального штаба генерала Снесарева, все остальные принадлежали к московской организации Добровольческой армии»³¹.

Носович держал связь с Баку и направлял туда силы и средства против наступавших турецких войск. Требовалось удержать город до прибытия английских войск и, как отмечал Носович, «мне необходимо было в вопросе удержания Баку быть более большевиком, нежели сами большевики»³². В этой связи, по словам Носовича, «двойственная игра при таких привходящих условиях весьма облегчалась и при самых энергичных обвинениях в будущих моих арестах и подозрениях, я всегда находил достаточно плюсов в глазах в большинстве случаев тупоголовых моих обвинителей³³ или т[ак] назыв[аемых] заступников³⁴, чтобы оправдаться и с новым ореолом “преданного” советского работника продолжать возложенную на меня трудную задачу»³⁵.

Связь с Москвой осуществлялась посредством курьеров через Страдецкого или лиц, известных Носовичу и Чебышеву. С отъездом союзных военных миссий из Москвы связь с подпольем прервалась. В Москву в июле 1918 г. был командирован только что женившийся в Царицыне на баронессе Остен-Сакен Тарасенков (якобы Чебышев приказал ему не возвращаться в Царицын³⁶). Однако из-за того, что казаки перерезали железную дорогу, он должен был

возвращаться кружным путем. Страдецкий приехал около 25 июля, после разгрома московского подполья, пробыл двое суток и далее через Ставрополь проехал в Добровольческую армию.

Носович установил связь с полковником Христочем из сербской военной миссии и французским консулом Шарбо, от которого получал информацию от французской военной миссии в Москве. Связь с французами провоцировало уже крайне странное расположение штаба округа в нижних этажах здания, на третьем этаже которого располагалась приемная французского консула³⁷. О том, что консул Шарбо был связан с белым подпольем, известно и из других документов³⁸.

Сотрудничал с Носовичем и еще один французский офицер, лейтенант Беньо, занимавшийся эвакуацией французских предприятий из района Царицына (позднее он оказался в Екатеринодаре). В конце июля Носович оказал содействие начальнику французской военной миссии при главкомандующем Кавказским фронтом полковнику П.-О. Шардиньи (у Носовича фигурирует также как Жардин) и его сотрудникам, которые, благодаря этому, получили возможность перебраться из Царицына через Астрахань в Баку. Себе в заслугу Носович записал и организацию занятия Баку англичанами и войсками Л.Ф. Бичерахова, что представляется явным преувеличением.

По всей видимости, работа была чрезвычайно нервной. А.Е. Снесарев в письме супруге от 18 июня 1918 г. отмечал: *«Здесь по-прежнему масса работы, и я закипаю, как в котле. Постепенно забираем в рамки организации разболтанные части механизма; что нам это стоит, можно видеть на крикливом и нервном лице Носовича...»*³⁹

Работа Носовича заключалась в следующем: *«Я должен был не опоздать внести разлад и путаницу ко времени наступления — раз, а второе — дотянуть плодотворную работу в случае опоздания наступления до последней возможности и в нужный момент перейти от скрытой работы в штабе к активной полевой, оказав непосредственное содействие наступающим при помощи контрреволюционного выступления»*⁴⁰.

На Носовича возлагалась задача формирования пяти дивизий. Но за два с половиной месяца белый подпольщик не организовал ни одной воинской части. По свидетельству Носовича, в первоначальный период организации Красной армии само требование дисциплины и законности, а также отправки командных кадров из бывших офицеров (которых в достаточном количестве в наличии еще не было) вносило в систему управления дезорганизацию. Тем более что полковник Страдецкий ориентировал своего агента на то, что белые перейдут в наступление в середине июня 1918 г.

Носович пытался бороться и против передачи Черноморского флота немцам⁴¹. Размышляя позднее над произошедшим, он отмечал: *«Не могу, конечно, судить, насколько мои поступки были правильны в то сложное время. Тогда казалось, как начальству флота в лице адмиралов [М.П.] Саблина⁴² и [А.И.] Тихменева⁴³, а также мне, что не допустить немцев к овладению флотом и сохранить его материальную часть, в частности, с моей точки зрения, есть одна из*

важнейших государственных задач, которую я стремился выполнить, рискуя даже последствиями прямого невыполнения приказаний тогдашнего юридического моего начальства — московского правительства. Теперешние события показывают, что вернее было уходить на поклон в Севастополь. Тогда казалось, лучше было держаться до последнего. События вне моего, в конце концов, влияния поделили флот на две части»⁴⁴.

Носович, конечно, не мог длительное время оставаться не разоблаченным. Прибытие в Царицын 6 июня 1918 г. члена СНК, народного комиссара по делам национальностей И.В. Сталина в качестве общего руководителя продовольственного дела на Юге России, наделенного чрезвычайными полномочиями, существенно осложнило работу белых подпольщиков, а впоследствии привело к отстранению Носовича и к его аресту.

Бывший генерал А.Е. Снесарев, давний сослуживец Носовича, по словам последнего, угадывал в нем контрреволюционера, но не выдавал и не стремился вникать в его действия. Невольными помощниками Носовича выступили командующий Царицынским фронтом И.В. Тулак и председатель исполкома Царицынского совета Я.З. Ерман. У них, если верить Носовичу, возникли сложные взаимоотношения со штабом округа, а белый агент искусно разжигал конфликт. В результате давления Сталина Снесарев 19 июля был вызван в Москву для доклада Высшему военному совету, а де-факто отозван из округа⁴⁵. В связи с отъездом Снесарева Носович стал, как он пишет, «полновластным вершителем судьбы Царицына, оставаясь де-юре подчиненным моим комиссарам [К.Я.] Зедину и [А.Г.] Селиванову. За этот период я мог сдать Царицын белым силам в каждый данный момент. Но повторяю... Об добровольцах не было ни слуху, ни духу. А донское командование делало все, чтобы не взять этот необходимый узел путей и связи с силами, наступающими из Сибири»⁴⁶.

Как отмечал белый подпольщик, «требовательность не вязалась с характером обстановки и давала для меня желательный результат — беспорядок. По обстановке наиболее подходящей работой была бы гибкость и отход от узких законных рамок... Я главенствовал с 1 июня по 20 июля — всего пятьдесят дней, и за это время мною отдано 12 оперативных приказов. Каждый из них разбивал фронты на новые участки, что у непривычных “товарищей командиров” вызывало массу недоразумений. К концу июня, изучив характеры действующих лиц, я не пропускать случая, чтобы подчинить наиболее самолюбивого и самостоятельного его политическому противнику, а если не противнику в настоящем, то таковое подчинение делало их непримиримыми врагами в будущем. Например, казаку, бывшему войсков[ому] старшине комбригу [Ф.К.] Миронову — идейному революционеру, политическому противнику [П.Н.] Краснова, заботящемся о ведении операции в духе гуманизма (из-за политических перспектив), я подчинил головореза, разбойника и реквизиатора на шереметьевский счет⁴⁷, начдива [В.И.] Киквидзе. Причем мотив подчинения начдива комбригу — то, что он военно-образован. Конечно, получился желательный конфликт⁴⁸. Должен заранее предупредить, что, может быть, кажущаяся сложность моих действий в изложении на бумаге в настоящем своем течении, так сказать день за днем, при чрезвычайно обостренной восприимчивости

нервов, на самом деле тогда не казалась не только сложной, но и вообще это не замечалось»⁴⁹. В ходе расследования дела Носовича председателем Высшей военной инспекции Н.И. Подвойским белый разведчик в том же духе заявил: «Наше требование порядка, каждое требование отчета, сейчас же истолковывалось как контрреволюция. И когда говорят, что вопрос в недочетах, я говорю: я бы с удовольствием отдал Царицын, но с тем, чтобы всю армию взять, переформировать и через месяц Царицын захватить в полной силе. Потом надо идти на юг, но дайте сперва переформировать. А мне говорят — ты контрреволюционер»⁵⁰.

Прибегал Носович и к бюрократизации работы штаба: «Снабжение войск всем необходимым тоже было втиснуто в старые рамы интендантских крючкотворств. Убедив честнягу по отношению к казенному сундуку [К.Я.] Зедина⁵¹, что грабежи иначе не переведутся, я ввел строгую отчетность, а главное, предоставления требовательных ведомостей в трех экземплярах, которые должны были восходить не иначе, как по команде и через начальника участка. Начальники же участков, как сказано выше, за 50 дней переменились почти 12 раз — отсюда понятна путаница и массовое неудовольствие на штаб. Но главный в хозяйственных вопросах был всемогущий комиссар Зедин, я умывал руки и лишь подзадоривал упрямого латыша: «Надо же наконец им приучиться к порядку! Болезненно будет только начало!»⁵². Показательно, что в бюрократизации его обвиняли и в советском расследовании⁵³.

Разведчик пытался передавать белым информацию и о снабжении: «Относительно вопроса снабжения вооружением и огнестрельными припасами мною была принята система удовлетворять полностью нестойкие части и торговаться и не досылать в стойкие. Мне было отлично известно, что главнейший источник снабжения добровольцев и казаков — большевистские запасы. Отсюда понятна таковая система. Кроме того, я пытался указывать при посредстве okazji, куда я посылаю припасы. Так, была попытка через Col[onel] Jardigne⁵⁴ сообщить в Терскую область о большом транспорте боевых припасов, посылаемом из Москвы в Моздок»⁵⁵.

В конце июля 1918 г. Носович сообщил казакам о советских планах захвата станицы Нижне-Чирской, обозначив наиболее оптимальное направление удара казаков (Кривомузгинская — Карповка — Воропоново).

Носович пытался установить связь и с офицерским подпольем. Московское подполье не имело подотдела в Царицыне, пришлось связываться с местной трудовой артелью офицеров во главе с капитаном Н. для формирования кадра антибольшевистских сил. Носовичу в этом помогали адъютанты Кремков, Садковский и Тарасенков. Тарасенков поддерживал связь с Москвой. К началу июля связь с местным офицерством была установлена и можно было рассчитывать на 500-600 офицеров. Чебышев организовал на станции Царицын неприкосновенный подвижный запас на 1000 винтовок и 10-20 пулеметов с боекомплектом. Также в качестве сотрудников Носович называет Лохматова и А.Н. Ковалевского.

Важно понять ту роль, которую играл в подпольной организации бывший полковник А.Н. Ковалевский. Если верить Носовичу, «полковн[ик] Ковалевский

знал о моем содействии контрреволюции (употребляю как общий термин) вообще, но об том, что я состоял в организации, не знал»⁵⁶. Однако далее Носович отмечал, что открылся Ковалевскому.

В развернутой редакции мемуаров Носович отмечал: «Начальником оперативного отделения у меня был Ген. штаба полковник Ковалевский. Его характеристикой должно быть выражение “рыцарь без страха и упрека”. Положа руку на сердце, откровенно нужно сказать: если бы таких офицеров Генерального штаба было бы хоть несколько больше, Россия не была бы теперь С.С.С.Р.

Мы были одного выпуска 1910 года⁵⁷, были всегда друзьями в академии, а проведя шесть долгих месяцев совместной службы среди большевиков на столь секретно-опасной работе, мы стали родными братьями в одном и том же деле спасения России. Его такту, уму, изворотливости и чутью в военном деле при столь сложной работе как активный саботаж под неослабным наблюдением и явном и неявном шпионстве⁵⁸ за нами, Добровольческая и особенно Донская армии обязаны многими своими успехами⁵⁹. Отмечал Носович и то, что Ковалевский занимался дезинформацией советского командования⁶⁰.

Позднее Носович приписал Ковалевскому следующие слова, датированные октябрём 1918 г.: «Нарыв нашей работы настолько созрел. Сама работа стала настолько затруднительна... Что единственное правильное решение для сохранения всех ее плодов и оказания действительно активной помощи белым — это твой немедленный, если возможно маскированный, переход к добровольцам. Я должен остаться здесь и до последней возможности продолжать мою работу. Я знаю, что меня неминуемо расстреляют. Шансов на спасение: никаких... Но я остаюсь с полным сознанием выполненного долга»⁶¹. Думается, эта фраза едва ли принадлежала самому Ковалевскому. Скорее ее автором был Носович, пытавшийся приглушить угрызения совести в связи с виной за гибель товарища.

Следует учесть важное обстоятельство. А.Е. Снесарев был много лет дружен с семьей Ковалевских, причем в большей степени с супругой А.Н. Ковалевской, которая, по свидетельству Снесарева, «своего Шуру... держит прочно»⁶². Если бы Ковалевский был действительно связан с подпольной работой, Снесарев, скорее всего, оказался бы в курсе этого. Не свидетельствуют о причастности их автора к белому подполью и абсолютно спокойные, бытового характера, письма Ковалевского супруге за август — октябрь 1918 г.⁶³

О других сотрудниках Носович писал: «Начальник артиллерийского управления Л[ейб]-зв[ардии] Конно-артиллерийской бригады полковник Чебышев и его отважный помощник капитан 2-го ранга Лохматов самоотверженно работали на пользу общего дела и так же, как полковник Ковалевский, погибли на своих постах, не отступив на один шаг от вверенной им работы. Мое описание членов организации было бы не полным, если бы я не упомянул о моем личном адъютанте Левушке Садковском. Прапорщик производства при Временном правительстве, но стопроцентный монархист. Сын одного из московских протоиереев, он не покидал меня ни при каких самых затруднительных положениях. Не отступал, но сам всегда вызывался на самые трудные задачи. Убежал вместе со мной от большевиков и сложил свою буйную голову за родную Великую Россию в одном из последних боев с

большевиками. За шесть месяцев жизни в осином гнезде я привязался к нему, как к родному сыну. Мало было прожито, но много пережито»⁶⁴. После бегства Носовича П.Я. Лохматов и В.П. Чебышев были арестованы 14 ноября 1918 г. на квартире Чебышева (где прежде жил Носович) в Москве. По данным Главной военной прокуратуры, Чебышев был расстрелян 18 января 1919 г.⁶⁵, однако эти сведения опровергла дочь Чебышева, отметившая, что отца из тюрьмы в начале лета 1919 г. направили в Царицын, откуда от него семья получила единственное письмо⁶⁶. По мнению дочери, В.П. Чебышев был расстрелян в Царицыне. По другим данным, сумел бежать и объявился уже у белых, был произведен в генеральский чин, но летом 1919 г. погиб под все тем же Царицыным⁶⁷. Лохматова же расстреляли.

Еще одним помощником Носовича, по его словам, оказался полковник А.А. Сосницкий, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду. Он вошел в организацию уже в Царицыне. Сосницкий *«не был посвящен в детали нашей саботажной работы, но, так сказать, силою вещей сам вошел в нашу контрреволюционную ячейку. В середине июля месяца добровольцы, наконец, повели наступление на Великокняжескую. Сталин к этому времени начал требовать, чтобы военспецы лично принимали участие в боевом руководстве войск в поле. В самом начале этого наступления добровольцев Сталин потребовал от нашего штаба кого-нибудь сведущего для руководства войсками, защищающими Великокняжескую. Мы с Ковалевским были в большом затруднении, как вдруг Сосницкий совершенно спокойным голосом говорит: “Я думаю, что таким человеком могу быть только я. Полагаю себя достаточно опытным и уверен, что никто другой не сможет, да другого человека, которому вы могли бы поручить столь деликатную задачу, как сдачу Великокняжеской добровольцам, у нас нет”. Этим ясным заявлением он, как бы безоговорочно, вошел в организацию. Получил назначение. Благополучно сдал Великокняжескую, успел спрятаться во время отступления большевиков и вышел к добровольцам... Но вот какие сведения были получены от контрразведки, а после и дополненные лично мною, когда я уже был среди добровольцев. Вышедшего к добровольцам Сосницкого привели немедленно к Деникину, который лично командо[вал] войсками, взявшими Великокняжескую. После короткого и исключительно грубого и издевательского допроса, совершенно неоконченного и крайне неполного... кто-то из окружавших Деникина офицеров вытащил револьвер и в присутствии высшего начальника застрелил Сосницкого»⁶⁸. Действительно, в середине июля 1918 г. на станции Тихорецкая военрук Северо-Кавказской Советской республики Сосницкий вместе с комиссаром А.С. Силичевым были захвачены белыми и казнены (зарублены, по другим данным, расстреляны)⁶⁹. Трагическую историю Сосницкого Носович приводил как пример некомпетентности белых, уничтоживших собственного разведчика. Впрочем, по всей видимости, речь шла об эксцессе фронтовой Гражданской войны.*

Белый разведчик вспоминал: *«Безусловно, наша деятельность, хотя и с точки зрения буквы закона вполне правильная, вызывала массу нареканий со стороны командного состава, а особенно бывших царицынских деятелей, и, надо*

сознаться, что по духу и чутью они были совершенно правы. Грозные слова: контрреволюционеры и белогвардейцы уже давно были произнесены. Анонимные и открытые дружеские предупреждения броситься и уехать из Царицына стали не редкостью. Но, повторяю, события назревали. Мы должны были оставаться до конца на своем посту. Действиями [И.В.] Сталина и [С.К.] Минина⁷⁰ я был почти совершенно не у дел. Но их слишком энергичные и, без сомнения, противу центром установленных правил меры и действия создали натянутые отношения и между комиссариатом Северного Кавказа, который с их появлением остался, собственно говоря, не у дел»⁷¹.

Действительно, найдя уже к 11 июля 1918 г. целый ряд недочетов в работе окружного военного комиссариата⁷², со второй половины июля 1918 г. И.В. Сталин и его соратники, вопреки военной политике центра, предприняли ряд шагов по ликвидации штаба и управлений Северо-Кавказского военного округа. Еще в июле руководство операциями перешло к Военному совету Северо-Кавказского военного округа в составе И.В. Сталина, С.К. Минина и А.Н. Ковалевского (временно)⁷³. В.р.и.д. военрука вместо А.Е. Снесарева стал А.Л. Носович⁷⁴. Комиссары округа Н.А. Анисимов и К.Я. Зедин были отправлены в длительные командировки.

Во время доклада Чебышева Военному совету 3 августа комиссар С.К. Минин заявил, что за два месяца артиллерийское управление ничего не сделало. После этого Чебышев подал рапорт об увольнении от службы⁷⁵.

Военный совет 4 августа 1918 г. «в целях улучшения дела снабжения фронта»⁷⁶ ликвидировал окружное артиллерийское управление. Также ликвидировался штаб округа, заменявшийся оперативным отделом при Военном совете во главе с Л.С. Соколовым. На следующий день были арестованы служащие артиллерийского управления. Арестантов разместили в плавучей тюрьме на барже посреди Волги⁷⁷. В качестве вероятной причины арестов исследователи выдвигают недостачу 17 млн патронов, взятых без ведома управления И.В. Сталиным и С.К. Мининым, и ответный рапорт начальника управления Чебышева на имя военрука округа от 4 августа о бессмысленном расходовании боеприпасов⁷⁸. По сути же арест оказался связан с борьбой за военно-административные полномочия. Интересно, что Чебышеву 8 августа был разрешен отъезд в Москву к больной супруге, причем разрешение было оформлено как командировка⁷⁹.

Впрочем, даже по оценке Носовича, арестовывать артиллеристов было за что. Деятельность работников управления он характеризовал как активный саботаж: «Перепутать грузы, заслать, плохо написать адрес, устроить волокиту с выпиской, задержать формалистической выдачу, вся таковая опаснейшая работа выполнялась беспрекословно. Но не обошлось и без предателя — чиновника Чернолуцкого, который и донес об этом Сталину. К счастью, бумажная сторона дела была в хорошем порядке, и присутствие [Высшей военной] инспекции оттянуло скорую расправу со всеми поголовно, но об участии их я сейчас известий не имею. До начала октября, несмотря на все мои хлопоты, весь состав, за исключением случайно уехавшего в Москву нач[альника] управления Чебышева, продолжал сидеть

на барже, а несколько было расстреляно^{80,81}. Кроме того, от должности был отстранен Носович, а в Военный совет округа вместо Ковалевского 4 августа введен К.Е. Ворошилов. Разгром окружного военного комиссариата на этом не прекратился — 6 августа было ликвидировано окружное хозяйственное управление⁸².

Давая объяснения Высшей военной инспекции, Носович упирал на то, что при арестах сотрудников артиллерийского управления не был соблюден должный порядок: *«До ареста артиллерийского управления ни одного слова мне никто не говорил, и после ареста мне ни Сталин, ни Минин ни разу не сказали, в чем артиллерийское управление обвиняется. Я пришел, сказал: вы арестовали артиллерийское управление. — Да. А вы, как начальник штаба, ликвидируетесь. Я говорю: Это незаконно. — У нас это теперь законно, это не ваше дело, вы больше не начальник штаба. Я сказал, что я все-таки временный военрук, потому что я назначен из центра. — Ну, это мы не будем об этом разговаривать. И я опять-таки подчеркиваю, что если бы меня как военрука и начальника штаба вызвали и сказали, что вот какие сведения есть про артиллерийское управление, будьте любезны опровергнуть или что вы можете на это сделать. Я бы сказал: с утра завтра или немедленно созвать всех и произвести ревизию дел, не выходя из управления. Пускай присутствуют Сталин, Минин, люди знающие (но только уполномоченные) и давайте проверим. Только таким образом законным и правильным все можно сделать. А то арестовывают, какая-то контрразведка имеется, я сам ничего не знаю. Ну, скажем, мне не доверяют. А то с 5-го числа ликвидировано артиллерийское управление, ликвидирован штаб, я как военрук остаюсь, обвинения мне не предъявлено, какие меры принимать, меня не спрашивают, что же я могу делать. Я остаюсь буквально в недоумении»⁸³.*

Упоминал Носович в мемуарах и о подпольной организации инженера Н.П. Алексеева⁸⁴, с которой у военспеца была установлена связь⁸⁵. Если верить Носовичу, алексеевская организация как раз включала упомянутую выше трудовую офицерскую артель⁸⁶. Алексеев прибыл в Царицын летом 1918 г. из Москвы с крупной суммой денег (до 9 млн руб.) и поручением московского подполья вести нелегальную работу. Ошибкой Алексеева стала ориентация на подкуп военнопленных-славян из сербского батальона, которых Носович и сербская военная миссия считали ненадежными. С их помощью Алексеев рассчитывал поднять восстание и захватить Царицын, но был разоблачен. В ночь на 18 августа руководителей заговора арестовала Царицынская ЧК. Не менее 23 человек (в том числе инженер Алексеев и двое его сыновей) оказались расстреляны⁸⁷. Большинство расстрелянных являлись младшими офицерами.

Свое спасение Носович нашел в Высшей военной инспекции. Не называя имен, белый разведчик отмечал, что подпольщикам помогли двое сотрудников инспекции. Впрочем, в другом свидетельстве Носович все же раскрыл имена. Речь шла о заместителе председателя военной секции инспекции бывшем полковнике 1-й гвардейской артиллерийской бригады В.А. Миллере и о капитане Калисском (Каллиском). В.А. Миллер действительно известен

как член военной организации «Национального центра», расстрелянный в 1919 г. большевиками в Москве⁸⁸. Калисский же действительно значился среди сотрудников инспекции, расследовавших дело Носовича⁸⁹.

По свидетельству Носовича, «Миллер и Каллиский встают и обращаются ко мне со следующими словами: — “Ваше Превосходительство, мы знаем, что вы коренной улан Его Величества, а потому не можете и не должны быть большевиком. В нашем обращении мы полагаемся на вас и даем честное слово, что вы можете без всякого риска сделать то же самое. Мы принадлежим к московской организации Добровольческой армии. Мы имеем определенные сведения, что она в настоящий момент подверглась полному разгрому. Наша задача искать всевозможные противобольшевистские организации, входить с ними в ближайшие сношения, помогать им всеми средствами и соединять их в одно целое. При том, что мы ревизуем⁹⁰ военные учреждения, нам более, чем кому-либо, легко проводить в жизнь эти задачи. Нам необходимо знать, насколько вы и ваш штаб контрреволюционны, какая имеется у вас организация и какие ваши планы на будущее. Кроме того, нам известны все ваши затруднения со Сталиным и вы в каждом случае можете рассчитывать на наше полное содействие...”

Что я мог ответить на это обращение, и что мне оставалось делать... Выбор был только один — поверить. Я это сделал и не ошибся. Лишь благодаря моему риску довериться я остался жив и принес еще немалую пользу белому движению⁹¹.

В инспекции работал и еще один белый подпольщик. В краткой редакции воспоминаний Носович отметил, что его фамилию укажет в будущем, однако в расширенной редакции написал, что речь шла о подьесауле П.В. Куликове — семиреченском казаке и слушателе ускоренных курсов Военной академии, «который тоже связан с Миллером и Калисским»⁹². Такой офицер действительно значился среди слушателей курсов и всю Гражданскую войну прослужил в РККА⁹³.

10 августа 1918 г. были арестованы сам Носович и А.Н. Ковалевский⁹⁴. Произошло это, по свидетельству Носовича, следующим образом: «10 августа, после обеда, подходя к дому, я увидел вооруженного с ног до головы сталинского охранника. Он молча дал мне прочесть бумагу, гласившую: “Предъявителю сего приказано: арестовать бывшего нач. штаба Северо-Кавказского округа и доставить его в комендантское управление”. Финал приближался. Первоначально меня и доставленного туда же полк. Ковалевского продержали день в комендантском, а после перевели в угловой отдельный номер “совдепской” гостиницы. Сторожили крепко: два человека с нами в комнате и два других в коридоре.

Надо было спастись. Моя жена, знавшая всю подкладку, и поначалу даже остерегавшая меня от доверия к членам инспекции, тут решила поставить вопрос на карту и умоляла спасти меня и Ковалевского. Надо отдать справедливость чинам инспекции, они с опасностью скомпрометировать себя начали отстаивать как нас, так и артиллерийское управление. Реальных данных ни против меня, ни против Ковалевского не было. Обвинения предъявлялись: в саботаже раз; сношении с союзниками два и смутные подозрения в контрреволюционности вообще. Управляющий делами инспекции, которого Сталин принял весьма и весьма нелюбезно, энергично

[в]стал на нашу сторону, и, благодаря телеграммам Подвойского и Троцкого, нас взяли на допрос и следствие в Балашов, где находился сам Подвойский»⁹⁵.

Носович размышлял о побеге к казакам, которые подошли к Царицыну, но они находились все еще сравнительно далеко, и реализовать этот план арестант не решился. Однако к этому времени центр стал принимать меры по обузданию самоуправства Сталина. Не согласны с действиями Сталина были и некоторые царицынские большевики⁹⁶. 10 августа 1918 г. Высший военный совет постановил прекратить ликвидацию военного комиссариата Северо-Кавказского военного округа⁹⁷. На месте линию центра проводили представители Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского, в результате вмешательства которой уже 13 августа Носовича и Ковалевского выпустили на поруки инспекции. Их надлежало отправить на допрос в Балашов и далее в Москву, откуда они и были назначены. Невыполнение задач приписали саботажу местных властей и неотзывчивости центра. Кроме того, о превышении Сталиным власти было сообщено Троцкому и Подвойскому. В тот же день на пароходе «Гроза» вместе с инспекцией освобожденные военспецы уехали в Камышин. А вскоре Царицынская ЧК раскрыла заговор инженера Алексева. По оценке Носовича, это связано с тем, что *«желание во что бы то ни стало увеличить механическую силу организации лишило ее осторожности и строгой конспирации. Приличный на вид помощник коменданта города Царицына проник туда и выведal многое, даже где лежали деньги. Наше счастье, что пароход отошел и мы попали на него до раскрытия заговора, иначе был бы конец. Надо подчеркнуть здесь одно важное обстоятельство, что я, как стоявший на таком видном посту, конечно, не мог непосредственно входить ни в переговоры, ни вообще в явные сношения с организацией. Все сношения велись адъютантами, главным образом поруч[иком] Кремковым, отчасти пор[учиком] Садковским, который в это время был в командировке с генералом Снесаревым, сопровождая его в Москву. Кроме того записей и списков не велось. А самая главная ошибка Сталина заключалась в молниеносном расстреле главарей: Алексева и его штаба»⁹⁸.*

В Балашове, куда военспецы прибыли 16-17 августа, они пользовались достаточной свободой и могли бежать. Здесь же произошла встреча с П.П. Сытиным, оказавшая влияние на последующую службу Носовича. Из сотрудников Носовича тогда избежали ареста Лохматов и Чебышев, отправленные в Москву⁹⁹, а в качестве свидетелей вместе с Носовичем в Балашов отправились все три его адъютанта.

Помимо вышеперечисленных подпольщиков из Высшей военной инспекции Носовичу в этой организации помогал еще один человек. Там служила стенографисткой дочь московского протоиерея, с которым Носович в 1920 г. встретился в Крыму. Носович в мемуарах назвал ее Верой Восторговой и ошибочно идентифицировал как дочь расстрелянного красными в сентябре 1918 г. протоиерея И.И. Восторгова¹⁰⁰, тогда как в Крыму получил известность протоиерей В.И. Востоков. И здесь при сопоставлении имеющихся в нашем распоряжении документов удалось установить фактическую основу свидетельства белого подпольщика. После побега Носовича по делу о

белогвардейских организациях в штабе Южного фронта в конце 1918 г. Особым отделом Южного фронта помимо А.Н. Ковалевского была арестована за присвоение отчетов и связь с лагерем атамана П.Н. Краснова и позднее расстреляна стенографистка РВС фронта Нина Владимировна Востокова — дочь «известного черносотенца» священника Востокова¹⁰¹. Таким образом, данные советских репрессивных органов получили подтверждение в свидетельстве белого агента в РККА. Путаницу в именах и деталях событий следует отнести на счет забывчивости мемуариста. Удивительно, как сотрудницу с такой биографией приняли на ответственную секретную работу. Носович намекал на то, что назначение она получила при содействии подпольщиков. Стенографистка была одновременно и институтской подругой жены Носовича, что позволило ему знакомиться со стенограммами переговоров Подвойского, а также получать и другие конфиденциальные сведения, в том числе о предполагаемых кадровых назначениях и об обстановке в целом¹⁰².

Носович и Ковалевский обвинялись в сношениях с союзниками, саботаже, отказе руководить операциями и в связи с царицынским подпольем. Однако пункты обвинения не выдерживали критики, поскольку большевистское руководство само официально поддерживало контакты с военными миссиями союзников, аналогичные действия на местах относились к компетенции окружных штабов. Относительно саботажа Носович пояснил, что истинными саботажниками являлись местные власти. Третий пункт был несостоятелен, поскольку Носович лично писал приказы. Что касается четвертого пункта, то на вопрос о связи с алексеевской организацией Носович ответил очень быстро, благодаря совпадению фамилий генерала М.В. Алексеева и инженера Алексева: *«Этого вопроса я совершенно не ожидал, и, на свое счастье, буквально понял его как причастность к Добровольч[еской] армии¹⁰³. Какое? — изумился я. Да между нами 300 верст. Я только знаю, кто такой генерал Алексеев, и знаю, что есть такая армия. Это было сказано так быстро и так наивно и искренно, что, когда мои следователи объяснили мне, что вопрос относится к инженеру Алексееву, уже расстрелянному в г. Царицыне, я вполне ориентировался и также наивно отрицался, как наивно воскликнул в первый раз»¹⁰⁴*. Важно отметить, что эти свидетельства белого разведчика совпадают со стенограммой допроса Носовича и Ковалевского Н.И. Подвойским 24 августа 1918 г.¹⁰⁵

Какую-либо связь с подпольем Носович отрицал, заявляя, что *«пост почти постоянный временного военрука на таком виду, что, во всяком случае, я не о 2 головах, чтобы, состоя начальником штаба, держать в руках какие-нибудь нити заговора»¹⁰⁶*.

Ковалевский в свое оправдание заявил: *«Я недаром с опасностью для жизни вывез жену и четверых детей из Валук и привез в Царицын, так неужели же я, имея всю семью с собой, мог бы такую штуку выкинуть. Одно то, что при мне такое семейство, спасало меня от всяких подозрений, что я мог бы что-нибудь выкинуть, это было бы слишком наивно с моей стороны и просто преступлением. Я, откровенно говоря, боялся оставлять в Царицыне и боялся, что не только мне, но и семье моей могут что-нибудь сделать, потому что в течение двух месяцев*

подвергался два раза опасности. При аресте у меня отобрали все и главное то, что дорожке всего, — ту лошадь, которую я вывез из плена. Я прошу меня как-нибудь компенсировать за все это, потому что я не заслуживаю того, чтобы со мной так поступали»¹⁰⁷. Семья действительно очень многое значила для Ковалевского (после его расстрела супруга, потерявшая мужа в 35 лет, так никогда и не вышла замуж¹⁰⁸), в связи с чем этот довод в пользу его неучастия в подпольной работе представляется достаточно весомым.

Следствие интересовалось причинами успехов красных после отстранения Носовича и Ковалевского. На это Носович ответил, что в Царицыне не проверяли, как бы обстояло дело, если бы спецов не отстранили, возможно, что и лучше. Более того, Носович сам перешел в контратаку, заявив, что с 1 по 10 августа Сталин и Минин, обнаружившие неприкосновенный запас патронов, раздали их в войска, в результате чего были израсходованы 17 миллионов патронов на 30 000 бойцов, что представлялось нерациональным.

П.П. Сытин выразил уверенность в том, что Носович и Ковалевский, даже если бы они были саботажниками и подпольщиками, его обмануть не смогут. Было решено арестованных освободить и использовать в операции в районе Балашова. Сытин заблуждался, поскольку у Носовича остались все прежние материалы, а также организация и царицынский опыт.

Носович отмечал: *«Должен сказать откровенно: если в Царицыне мне часто приходилось идти ощупью — втемную, то во время Балашовской операции я провоцировал как опытный мастер. Должен оговориться, что я попытался работать и активным саботажем, т.е. задержкой выполнения приказов Сытина. Обе мои попытки в корне и весьма определенно были пресечены новым командующим: так отложенная поездка на целые сутки в дивизию Киквидзе с целью продвинуть ее вперед — раз, и нераспорядительность, следствием чего был уход необходимого дежурного паровоза — два — окончились недвусмысленным разговором: “Конечно, это, быть может, и случаи, но прошу их больше не повторять. Саботажа не потерплю. Я за вас тоже отвечаю”, — определенно сказал Сытин»¹⁰⁹*. Очевидные попытки саботажа (задержку приказов, несвоевременное исполнение поручений) Сытин пресекал. Носовичу не доверяли и недавние подчиненные, «князьки», как он их именовал — В.И. Киквидзе, Ф.К. Миронов, Р.Ф. Сиверс. Это тоже можно было использовать для срыва операций, чем и воспользовался белый агент.

Получив приказание добиться от бригады Сиверса, стоявшей в резерве, пехотного и кавалерийского полков, а также батареи, Носович стал провоцировать командира: *«Зная его характер, чуть не царской гордости, я закатил ему такой тонко издевательский разговор, пересыпанный словечками, излюбленными при корнетском цуканиш: “Потрудитесь, извольте, не должно быть никаких разговоров и т.д.”. Сиверс грубо оборвал разговор, отойдя от аппарата, не ответив мне окончательно. Несмотря ни на какие угрозы, Сиверс указанных сил не выделил. Но вдруг снялся всей своей бригадой, численностью до 7 тысяч человек при 24 орудиях, и перешел в тот район, куда от него требовалось лишь два полка и одна батарея. Благодаря таковой его самовольности Сытин и Подвойский остались без общего резерва. Кроме того, таковой переход Сиверса спутал все карты нового Наполеона.*

Операция вместо 22-го началась только 29-го, благодаря нервам Сиверса получилась оттяжка в 9 дней. Мне неизвестно, как поставлена разведка у казаков, но девять дней оттяжки вместо молниеносного неожиданного начала в то время, когда все телефонисты и телеграфисты и железнодорожники кричали о начале операции, а мне приходилось вести по проводу совсем не двусмысленные разговоры, я полагаю, что это время достаточное для принятия своих контрмер у казаков... Бумажный обвинительный материал против Сиверса накапливался не по дням, а по часам. В Арзамас... я повез 122 неисполненных им или не так выполненных приказаний и жалобы на него его военного руководителя Левицкого»¹¹⁰. Помощь в этом вопросе Носовичу оказал бывший прапорщик Никитин — в прошлом присяжный поверенный и помощник А.Н. Ковалевского, сумевший систематизировать документацию о неисполнении Р.Ф. Сиверсом приказаний.

По свидетельству Носовича, Никитин «прибыл к нам в штаб в самом начале сентября и держался совершенно особняком. По виду он был чрезвычайно подтянутым и дисциплинированным военным. В первый же раз, как мы остались с ним с глазу на глаз, в ответ на мое приказание, он отчетливо ответил: “Слушаюсь, Ваше Превосходительство”. При общих весьма обостренных отношениях и перетянутых нервах такой ответ мне был и неприятен, и заставил насторожиться. В то время мы все очень боялись провокации и постановили не входить в сношения ни с каким новым лицом. Я потребовал, и довольно-таки сухо, перестать меня так титуловать. Он, в общем, повиновался, но все же изредка, когда это не представляло никакой опасности, продолжал обращаться ко мне, называя меня по чину.

Во время сиверской истории мне почти не пришлось работать вместе с Ковалевским, а следовательно, и с ним. Но после отъезда Сытина и Ковалевского Никитин, естественно, остался на должности моего начальника штаба. И в это самое время на фронте довольно значительная часть белых казаков, стоявшая против “красного атамана” Миронова, поддалась на удочку пропаганды и перешла к Миронову. У казаков получился разрыв фронта. Подвойский решил воспользоваться случившимся прорывом и двинуть туда дивизию Киквидзе. В этой простой задаче было совершенно невозможно ни напутать, ни приказать что-либо несурзное. Киквидзе должен был выдвигаться немедленно. Приказ был написан. Подписан Подвойским. Скреплен Мехоношиным. Оставалось только зашифровать и протелеграфировать Киквидзе.

При всегдашней энергии Киквидзе эта простая и вполне понятная задача выхода его дивизии вперед могла больно отозваться на всем фронте казаков и привести их к серьезной неудаче.

Надо было что-то придумать. Телеграмма-приказ написан[а]. Подвойский передает ее мне и приказывает: “Немедленно зашифровать и переслать вне всякой очереди”.

И вдруг яркая мысль блеснула в голове. Операцию надо задержать хоть на одни сутки, и во что бы то ни стало. Я вызываю Никитина и, передавая ему телеграмму, в свою очередь, приказывая Никитину, громко, отчетливо и ясно произношу: “Немедленно зашифровать и передать вне всякой очереди”. И тут же, смотря Никитину прямо в глаза, процедил сквозь зубы... “чтоб не поняли”.

Прапорщик Никитин понял и мой взгляд, и мой настоящий приказ. Шифр был простой цифровой. И он так написал единицы и семерки, что их каждую в одном и том же месте можно было принять и за ту и за другую.

Пока шла шифровка, передача, дешифровка, запросы и исправления и т.д., наступила темнота, и мы выиграли более суток. Казаки тем временем успели подвести подкрепления и сомкнуть фронт.

Неожиданное наступление дивизии Киквидзе не удалось, и возможность развить случайный успех отпала»¹¹¹. Вскоре Никитин бежал к белым.

Было очевидно, что Сиверс как своего рода красный «атаман» не собирался расставаться со своей бригадой. Это обстоятельство Носович использовал и в дальнейшем. Разумеется, подобное неподчинение возмущало Сытина и Подвойского. При этом Носович фактически оставался неуязвим.

Планируя переход на сторону казаков, Носович организовал бегство своей жены, которую при содействии бывшего капитана гвардии А.Н. Курвоазье удалось через Воронеж отправить в сентябре 1918 г. в Киев. Эти факты подтверждаются в других источниках. Капитан Курвоазье действительно служил в 1918 г. в РККА, а позднее бежал к белым¹¹². Якобы в Воронеже у Курвоазье существовала офицерская организация численностью более 1000 человек.

Носович описал способы воздействия на командиров: *«На правом фланге мне подчинялся нач[альник] дивизии [А.С.] Ролько — Генштаб выпуска 17 года, крайне подтянутый, вечно козырявший и все время титулюющий “Ваше Превосходительство”. Растолковать и подсунуть такому нужное решение было более чем пустяком. С его соседом Сиверсом работа была простая — на злобу. Правда, это было опасно, но дало блестящие результаты. Еще левее бригада [Э.И.] Захаревича была наиболее стойкая и наиболее трудная в обработке, а потому туда мне пришлось в нужный момент просто опоздать, проколов задние шины автомобиля. С Киквидзе пришлось ладить и играть на его давнишнюю вражду с Мироновым. Так пришлось поступать и с последним. С Киквидзе и Сиверсом были взяты самые верные ноты. Подвойский не терпел их за их великокняжество, а я, насколько я нападал на Сиверса совместно с Сытиным и Подвойским, настолько я поддерживал Киквидзе в разговорах с ними против их на него нападков. Такого рода политика дала очень хорошие результаты»¹¹³. О том, что самовольные действия Сиверса привели к тяжелому положению на фронте, свидетельствовал и командующий Южным фронтом П.П. Сытин¹¹⁴.*

Однако и в этот период белый агент навлек на себя подозрения. Так, в сентябре 1918 г., по свидетельству Н.И. Подвойского, Носович был вторично арестован, уже непосредственно на фронте: *«На помощь Поворинскому фронту прибыл 21-й Московский полк. Попавши в такую атмосферу, слышавши о всех перипетиях с бригадой Сиверса, комиссар полка относился к распоряжения[м] каждого военрука подозрительно, и когда тов. Носович дал распоряжение командиру полка отправиться в распоряжение Ролько, то командный состав полка повидел¹¹⁵ в этой задаче измену, контрреволюцию и ночью в 2 часа пришел ко мне, чтобы передать об этой измене. Тов. Носович был арестован, и они говорили, что все данные налицо,*

что есть новая измена. Мне пришлось растолковывать товарищам положение и указать, разобравши задачу, что здесь не может быть и речи относительно измены, и товарищи отправились на позицию»¹¹⁶.

Носович утверждал, что играл на честолюбии подчиненных, на их соперничестве друг с другом, старался раздувать конфликты. Особых усилий в партизанский период истории РККА такая работа не требовала, поскольку сами события способствовали неисполнительности и провалам. К примеру, в штабе Южного фронта хранилось дело о том, что Киквидзе и Миронов вместо оперативной переписки вели перебранку по телеграфу, причем за ругательные телеграммы требовалось заплатить 40 000 руб. Возникал вопрос, кто должен возмещать эти расходы. В результате подслушивания телефонных переговоров помощника Сиверса с командиром одного из полков Носович получил компрометирующие данные о стремлении фронтовых командиров совершить покушение на Н.И. Подвойского. Эти данные он сообщил комиссару. В итоге штаб фронта стал считать основными саботажниками именно экспансивных фронтовых командиров, а не штабных подпольщиков. Если верить Носовичу, результатом всех этих действий, а также помощи А.Н. Ковалевского и Н.В. Востоковой стал срыв Балашовской операции красных. Упомянул Носович и о содействии со стороны начальника разведки З.Б. Шостака¹¹⁷.

Исчерпав возможности тайной работы, Носович перешел на сторону белых. Впрочем, он также утверждал, что сделано это было для более активного содействия подпольщикам. Однако реальная причина, по всей видимости, заключалась в получении известий о раскрытии в Москве офицерской организации бывшего генерал-майора Б.А. Левицкого, с которым Носович неоднократно встречался у полковника Бриедиса.

Белый разведчик был человеком авантюрного склада, что предопределило особенности его деятельности и финального дерзкого побега к белым. 24 октября 1918 г. Носович выехал для рекогносцировки местности на передовую. Во время рекогносцировки вместе с адъютантом Л.С. Садковским, угрожая оружием, захватил комиссара штаба 8-й армии П.А. Бутенко, двух шоферов и автомобиль, на котором и уехал к донским казакам¹¹⁸. Свой побег Носович пытался выдать за пленение, чтобы не подвести товарищей по подпольной организации. Однако эта попытка успехом не увенчалась.

Дело Носовича рассматривалось судебной следственной комиссией при штабе Верховного главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) 6 (19) февраля 1919 г. Сама итоговая формулировка реабилитирующего приказа главнокомандующего ВСЮР № 490 от 17 (30) марта 1919 г. была оскорбительна для белого агента. Отмечалось, что в Красную армию на должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа Носович поступил «с намерением принести возможно больше вреда большевикам, состоя в этой должности. С этой целью, прибыв в Царицын в июне 1918 года, генерал-майор Носович завязал сношения с представителями французского командования и пред-

ставителями офицерской организации, подготовлявшей восстание в Царицыне. С этой же целью генерал-майор Носович отдавал распоряжения по части оперативной, артиллерийского и интендантского снабжений явно саботажного характера, а также старался ссорить между собой различных представителей высшего командования советских войск. Будучи затем назначен помощником главнокомандующего Южным фронтом, генерал-майор Носович 11 октября¹¹⁹ бежал от большевиков и добровольно сдался донским казакам»¹²⁰. Дополнительно собранные материалы подтвердили его показания. В приказе резюмировалось, что «ни политические убеждения генерал-майора Носовича, ни его поступки за время состояния на службе у советских властей не возбуждают подозрения в сочувствии большевистским идеям и не дают основания считать его в каком-либо отношении вредным или опасным для Добровольческой армии»¹²¹. Перебежчик не получил ни награды, ни благодарности.

Ряд исследователей, изучавших события в Царицыне летом 1918 г., задавались вопросом — не мог ли Носович задним числом выдавать желаемое за действительное, провозгласив себя белым агентом в Красной армии и в собственных интересах поддерживая официальную версию сталинской эпохи о контрреволюционерах в штабе Северо-Кавказского военного округа. В качестве аргументов отмечалось, что данные о подпольной работе Носовича известны исключительно из свидетельств его самого (историкам до сих пор были известны лишь статьи генерала в журнале «Донская волна»¹²² и его отчет о подпольной работе¹²³), о нем не упоминается в документах по делам Б.В. Савинкова и «Союза защиты Родины и Свободы», а в результате проверки Высшей военной инспекции летом 1918 г. военспец в связи с его работой в Царицыне был оправдан¹²⁴.

Действительно, такие доводы до обнаружения автором этих строк архива генерала Носовича могли приниматься во внимание. Но выявление нескольких редакций воспоминаний генерала, а также их проверка по независимым источникам позволили прийти к выводу о том, что неопубликованные воспоминания А.Л. Носовича, несмотря на неточности в деталях, обусловленные ошибками памяти мемуариста, имеют впечатляющую рациональную основу. Подтверждается это следующими наблюдениями.

Во-первых, представляется совершенно искренним резкий антибольшевизм мемуариста, его приверженность монархической идее и его крайний шовинизм, выразившийся в активном неприятии инородцев на руководящих постах в Советской России и в Красной армии.

Во-вторых, Носович достаточно подробно характеризует, пусть порой и с неточностями (как в случае с Н.В. Востоковой, в отношении которой мемуарист искажил имя и фамилию, но прочие биографические данные изложил достоверно), целую плеяду деятелей белого подполья, чья нелегальная работа верифицируется по независимым источникам, которые не могли быть известны мемуаристу. Соответствуют действительности даже многие детали этой работы (например, датировки командировок подпольщиков). Из этого можно сделать вывод о высокой степени осведомленности А.Л. Носовича о

работе участников подпольных антибольшевистских организаций. Подобной осведомленностью в силу конспирации мог похвастаться либо непосредственный участник этой работы, либо особо доверенное лицо, близко знакомое с подпольщиками. Поскольку Носович продемонстрировал осведомленность о работе подполья как в Москве, так и в Царицыне, а также в Высшей военной инспекции и на Южном фронте, а кроме того, речь шла, в основном, о работе одной и той же группы лиц, нельзя не прийти к выводу о том, что он, находясь на службе в Красной армии, действительно состоял в подпольной антибольшевистской военной организации.

В-третьих, весомым подтверждением подпольной работы Носовича являются те серьезные подозрения, которые он и его соратники по борьбе навлекли на себя летом — осенью 1918 г. (сам Носович арестовывался дважды). Причины своего оправдания после ареста летом 1918 г. Носович подробно изложил в мемуарах, показав, что сумел запутать следствие и вновь обрести доверие властей. Эти объяснения стыкуются с показаниями Носовича на следствии, сохранившимися в документах Высшей военной инспекции. Разумеется, переход на сторону белых не может являться доказательством принадлежности Носовича к белому подполью. Подобные переходы военспецов вообще были широко распространены в то время¹²⁵, при том что лишь отдельные перебежчики принадлежали к подполью. Впрочем, факт перехода и не противоречит такой принадлежности.

В-четвертых, значительная часть мемуаров А.Л. Носовича посвящена резким выпадам в адрес командования Донской и Добровольческой армий, представители которого не считали нужным воспользоваться добытыми Носовичем сведениями и воспринимали белого разведчика с недоверием, из-за чего его оперативные данные утратили свою актуальность.

В-пятых, резкие суждения Носовича как о большевиках, так и о белых вполне характерны. Они типичны для мировоззрения представителей той замкнутой касты, которую составляли кадровые гвардейские офицеры, придерживавшиеся монархической идеи, но презиравшие и красных, и белых¹²⁶. Не вызывает сомнений органическая идейная принадлежность приближенного до революции к императорской семье гвардейца Носовича к гвардейской офицерской среде и в Гражданскую войну. И тот факт, что в подпольную работу он оказался вовлечен именно гвардейским офицером В.П. Чебышевым, своим товарищем по Первой мировой войне, служит весомым аргументом в пользу правдивости изложения Носовича.

Наконец, авторитетным подтверждением принадлежности А.Л. Носовича к подполью служит признание этого обстоятельства следственной комиссией белых, выразившееся в соответствующем реабилитационном приказе.

Итак, факты саботажа сомнений не вызывают. Вместе с тем, любой разведчик склонен к преувеличению результатов собственной деятельности. Не стал исключением и А.Л. Носович. Поэтому сейчас трудно объективно оценить реальные масштабы его работы и достигнутые результаты. Нет ясности

и с тем, в какой степени к работе белого подполья был причастен ближайший сотрудник Носовича А.Н. Ковалевский.

История Носовича вполне характерна для той эпохи, когда офицерство оказалось на распутье. Очевидно, что многие офицеры, в том числе подпольщики, осуществляли свой идейный и жизненный выбор, уже находясь на службе в Красной армии. На примере судеб сотрудников Носовича это хорошо видно. Кто-то из них отошел от подпольной работы, остался в Красной армии и сделал в ней карьеру, другие перешли на сторону белых. Несмотря на подпольную работу, для белых Носович полностью своим так и не стал. Это отразилось и на содержании воспоминаний, в попытках оправдать собственные действия, из-за которых пострадали сослуживцы.

Деятельность бывшего генерала А.Л. Носовича как высокообразованного и высокопоставленного белого разведчика в Красной армии в мае — октябре 1918 г. чрезвычайно интересна, поскольку позволяет по-новому осмыслить историю становления Красной армии, историю белого подполья, работу военспецов и эволюцию командных кадров РККА, события обороны Царицына и деятельности там И.В. Сталина, а также ряд других вопросов.

Работа белого агента на руководящем посту стала возможной вследствие неразберихи начального периода создания советских вооруженных сил, отсутствия в армии лояльных большевикам квалифицированных командных кадров. Поступив по заданию подпольных организаций и французских представителей в Красную армию и сразу заняв в ней высокий пост, Носович сумел внедрить во вверенный ему штаб Северо-Кавказского военного округа целую группу сотрудников, связанных с белым подпольем.

Материалы архива Носовича свидетельствуют и о том, что аресты военспецов в Царицыне в августе 1918 г., санкционированные И.В. Сталиным, были небеспочвенными. Насколько можно судить, часть арестов осуществлялась из стремления Сталина к полноте военной власти на Северном Кавказе и по причине недоверия к военспецам. Однако арестованы оказались, хотя и по другим причинам, активные деятели антибольшевистского подполья и реальные заговорщики, включая самого Носовича и его сотрудников. Кроме того, царицынские чекисты смогли ликвидировать реально существовавшую подпольную офицерскую организацию. Таким образом, опровергаются распространенные в историографии утверждения о том, что в Царицыне И.В. Сталиным, проводившим «баржевую политику», оказалась проявлена избыточная жестокость и что эти опыты явились прообразом фабрикации дел о мнимых заговорах в 1930-е гг.

Системные просчеты руководителей антибольшевистского лагеря не позволили им в полной мере воспользоваться плодами чрезвычайно рискованной работы, которую проводили белые подпольщики в рядах Красной армии. Сама подпольная работа воспринималась белым командованием пренебрежительно и сквозь призму оценки подпольщиков как пособников большевиков.

- ¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии». Выражаю глубокую благодарность А.А. Комиссаровой (Снесаревой) и А.А. Снесареву за предоставленные материалы семейного архива.
- ² Снесарев А.Е. Дневник: 1916–1917. М., 2014. С. 312–313.
- ³ Достоверность данного обстоятельства подтверждается в дневниковой записи А.Е. Снесарева от 21 мая 1918 г.: «Вчера был у Анатолия Леонидовича [Носовича] и выслушал рассказ его супруги о делах на Украине и об ее путешествии... Все печально, но накладываемая на Украину рука германца — удручающая; и сколько во всем презрения к русскому народу, к его отсталости, лености, неумению...» (Снесарев А.Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 44).
- ⁴ Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 5.
- ⁵ В Первую мировую войну Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, в котором служил Носович, и 5-я батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии, которой командовал Чебышев, входили в состав Гвардейского кавалерийского корпуса (подробнее см.: Лейб-гвардии Конная артиллерия в боях и операциях Великой войны. 1914–1917. Материалы для истории. Сост. Ф.А. Гуштин, И.В. Домнин, Н.Д. Егоров. М., 2016).
- ⁶ Чебышева К.В. История моей жизни. М., 1997. С. 25, 53.
- ⁷ BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 6. С. 37. В другом изложении Носовича, встреча произошла в поезде по пути из Харькова в Москву («Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 62).
- ⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 110б.
- ⁹ О его отъезде упоминает и В.Ф. Клементьев (Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 121–122).
- ¹⁰ Эта позиция была впоследствии изложена А.И. Деникиным в «Очерках русской Смуты»: «Московские Центры поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2 1/2 года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; заплатил за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя» (Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 548). Речь шла о бывшем генерале В.И. Селивачеве (подробнее см.: Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 183–184).
- ¹¹ BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 42.
- ¹² Там же. С. 43.
- ¹³ BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 45.
- ¹⁴ Там же. С. 46.

- ¹⁵ Подробнее о них см.: *Клементьев В.Ф.* Указ. соч.; Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1; *Перхуров А.Л.* Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990.
- ¹⁶ Ранее на основании того, что о Носовиче не упоминалось в следственных делах Б.В. Савинкова и «Союза защиты Родины и Свободы», делался вывод о непричастности Носовича к подполью (*Дудник В., Смирнов Д.* Ответ профессору Э.Б. Генкиной // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 122).
- ¹⁷ Большинство свидетельств сходится на том, что Перхуров и Страдецкий были направлены в Москву генералом Л.Г. Корниловым (И.А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004. С. 106; *Клементьев В.Ф.* Указ. соч. С. 17).
- ¹⁸ В условиях принятия в партию стояло категорическое правило: «Каждый поступивший в Добровольческую армию не имеет права отказаться от возлагаемого на него поручения под страхом смертной казни» (*прим. мемуариста*).
- ¹⁹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 5.
- ²⁰ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 40.
- ²¹ Интересно, что младший брат Кремкова Алексей, будучи гардемаринном, участвовал в Белом движении на Востоке России, умер в эмиграции в США в 1948 г. (*Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 251; Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 78).
- ²² «Вредить большевизму всеми возможными способами». С. 63. По неясным причинам этот офицер, в отличие от других сотрудников Носовича, в двух редакциях неопубликованных мемуаров Носовича упомянут лишь однажды.
- ²³ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 6.
- ²⁴ *Снесарев А.Е.* Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 44. Сверено с оригиналом из архива семьи Снесаревых (Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. С. 760–761).
- ²⁵ Шарбо.
- ²⁶ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 6–7.
- ²⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 27.
- ²⁸ Известия ВЦИК Советов. 1918. № 107 (371). 29.05. С. 5.
- ²⁹ *Чебышева К.В.* Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 34.
- ³⁰ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ³¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 52.
- ³² ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. С. 7.
- ³³ В документе — обвинителях.
- ³⁴ В документе — заступниках.
- ³⁵ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 7–8.
- ³⁶ *Чебышева К.В.* Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 44. После ареста Чебышева Тарасенков укрылся в деревне Чебышовка Тульской губернии, где прожил несколько лет, после чего вернулся в Москву.
- ³⁷ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 12, 29.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 74-74об.
- ³⁹ Архив семьи Снесаревых.
- ⁴⁰ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 8–9.

- ⁴¹ Подробнее см.: Гражданская война в России: Черноморский флот. М., 2002.
- ⁴² Правильно — вице-адмирал.
- ⁴³ Правильно — капитан 1-го ранга.
- ⁴⁴ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 52.
- ⁴⁵ Шапошник В.Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 159-160.
- ⁴⁶ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 65.
- ⁴⁷ Т.е. за чужой счет. Выражение, возникшее в связи со щедростью графа Д.Н. Шереметева.
- ⁴⁸ «Кроме оперативных приказов, конечно, были случаи, когда приходилось из двух зол выбирать горшее. Так, в момент вторичного прорыва казаками линии ж[елезной] дор[оги] Поворино — Царицын я получил сведения, что туда направлены значительные казачьи силы. Связь с Москвой была для Царицына наиболее существенным вопросом, а потому, уверенный, что на юг к Тихорецкой нам не пробиться и ее не отобрать, я отправил все резервы, хотя и незначительные, к ст. Ремонтной, указав, что с севера освободить легче, а участок, кстати, отошел уже к Чернавину. Таким образом, с 24-го июля и по сие время Царицын отрезан от Москвы, а с замерзанием Волги и совсем будет изолирован» (прим. мемуариста).
- ⁴⁹ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 11-12.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 13.
- ⁵¹ К.Я. Зедин занимал должность военного комиссара Северо-Кавказского военного округа.
- ⁵² ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 12.
- ⁵³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 27.
- ⁵⁴ Полковника Шардиньи.
- ⁵⁵ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 12.
- ⁵⁶ Там же. С. 14.
- ⁵⁷ Речь идет о выпуске из Императорской Николаевской военной академии.
- ⁵⁸ В документе несогласованно — шпионством.
- ⁵⁹ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 53.
- ⁶⁰ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1. С. 65.
- ⁶¹ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 50.
- ⁶² Письмо А.Е. Снесарева супруге из Царицына от 18 июня 1918 г. (Архив семьи Снесаревых).
- ⁶³ Чебышева К.В. История моей жизни. М., 1997. С. 55.
- ⁶⁴ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 53.
- ⁶⁵ Чебышева К.В. Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 40-41.
- ⁶⁶ Там же. С. 42.
- ⁶⁷ Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2. С. 612.
- ⁶⁸ ВДИС. F. Nossowitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 6. С. 80.
- ⁶⁹ Крутоголов Ф.Ф. Правда о Сорокине / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (Санкт-Петербург). 2012. № 3. С. 264; Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006. С. 253; Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918-1920 гг.). М., 1961. С. 64; Шапошник В.Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 177; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 2. С. 56.

- ⁷⁰ С.К. Минин был членом Военного совета Северо-Кавказского военного округа.
- ⁷¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 14.
- ⁷² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 1812. Л. 1-2. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (www.sovdoc.rusarchives.ru).
- ⁷³ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.
- ⁷⁴ Шапошник В.Н. Указ. соч. С. 160–161.
- ⁷⁵ Чебышева К.В. Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 34.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 298. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (www.sovdoc.rusarchives.ru).
- ⁷⁷ Распространенные перестроечные мифы о затоплении баржей (см., напр.: *Ратнопорт В.Н., Геллер Ю.А.* Измена Родине. М., 1995. С. 37) являются ничем не подтвержденным вымыслом. После занятия Царицына белыми в 1919 г. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоявшая при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, обследовала баржи и составила подробное описание этих плавучих тюрем. В том числе специально отмечались тяжелые условия содержания арестованных на баржах с наступлением холодов осенью 1918 г., но о затоплении речи не было (РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 383-383об.; Ганин А.В. А был ли «тайный советник вождя»? // Родина. 2014. № 1. С. 114–116).
- ⁷⁸ Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2010. С. 20.
- ⁷⁹ Чебышева К.В. Пять поколений представителей семьи Чебышевых. М., 1997. С. 35.
- ⁸⁰ «Кроме того, для нашей организации офицеров был устроен склад в 1000 винтовок, 10 пулеметов с достаточным количеством патронов при надежном стороже и смотрителе из бывших офицеров. Вывеска склада, конечно, была вымышленная. Что-то вроде подвижного неприкосновенного запаса. Подробности лежали на начальнике управления» (*прим. мемуариста*).
- ⁸¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 15.
- ⁸² Сталин в Царицыне. Сталинград, 1940. С. 38.
- ⁸³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 11–12.
- ⁸⁴ В литературе встречаются утверждения о том, что дело было сфабриковано и царицынский опыт стал первой пробой последующих методов сталинской репрессивной политики (*Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 90). Однако это противоречит свидетельствам со стороны белых.
- ⁸⁵ В советское время ошибочно утверждалось, что Носович стоял во главе этого заговора (*Генкина Э.Б.* Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 125). По всей видимости, ситуация была не столь однозначной.
- ⁸⁶ О том, что заговорщики состояли в некое офицерском союзе, закрытом в Царицыне, вспоминал и председатель Царицынской ЧК А.И. Червяков (*Червяков А.И.* Чекисты в обороне Царицына // В боях за Царицын. Сталинград, 1959. С. 291).
- ⁸⁷ Список см.: ВЧК — ГПУ. Док. и мат. Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 35–46. Носович ошибочно утверждал, что заговорщики погибли в бою, а с их гибелью оказались обрублены нити, тянувшиеся к нему и Ковалевскому. Отметим, что в числе арестованных оказался и член коллегии Главного нефтяного комитета К.А. Махровский, что повлекло личное вмешательство председателя СНК В.И. Ленина.
- ⁸⁸ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 409–411, 443–468, 502–514; *Волков С.В.* Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. М., 2011. С. 442.
- ⁸⁹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 29.

- ⁹⁰ В документе несогласованно — ревизуя.
- ⁹¹ ВДИС. F. Nossowitch. F Д rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 5. С. 78.
- ⁹² ВДИС. F. Nossowitch. F Д rés 843 (1) (9). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 24.
- ⁹³ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 258.
- ⁹⁴ Ни Носович, ни автор фундаментального монографического исследования о Северо-Кавказском военном округе в 1918 г. В.Н. Шапошник не упоминают об аресте военного руководителя округа А.Е. Снесарева; не удалось обнаружить упоминаний об этом и в материалах архива семьи Снесаревых. На сегодня известно единственное документальное свидетельство на этот счет в позднейшей телеграмме К.Е. Ворошилова и В.И. Межлаука Я.М. Свердлову и Л.Д. Троцкому от 6 ноября 1918 г. о необходимости принятия «экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 41). Вместе с тем, распространенные в литературе упоминания об аресте Снесарева со штабом в Царицыне и их содержании на барже (Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М., 2014. С. 375; Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2010. С. 20; Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь — науке // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 51; Морозов А.Я. Служил Отечеству: генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005. С. 149; Полякова В.А. Долг и судьба. Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006. С. 76–77) не соответствуют действительности. Насколько можно судить по документам, Снесарев уехал из Царицына около 20 июля 1918 г. в Москву для доклада Высшему военному совету отнюдь не в качестве арестанта (РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 40), в августе — начале сентября 1918 г. он находился в отпуске в Острогжске (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 87, 178), а уже 11 сентября получил назначение начальником Западного района обороны (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 10б.).
- ⁹⁵ ВДИС. F. Nossowitch. F Д rés 843. Vox 1. (1) (9). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 15–16.
- ⁹⁶ РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 18. Л. 100.
- ⁹⁷ Шапошник В.Н. Указ. соч. С. 163.
- ⁹⁸ ВДИС. F. Nossowitch. F Д rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 16.
- ⁹⁹ В этой связи любопытна дневниковая запись А.Е. Снесарева от 22 сентября 1918 г.: «Получил письмо от Колюбакина, к[ото]р[ый] описывает царщ[инские] ужасы: баржу, насильование женщин и т.п. ... Трудно верится... Об Носовиче критически, к[а]к и о Чебышеве» (Дневник А.Е. Снесарева. 1918 г. Л. 851 // Архив семьи Снесаревых). Запись от 22 мая 1919 г. еще детальнее: «Поведение моих помощников в Царицыне после моего отъезда... Но раньше М[инин] говорил мне о статье Носовича в одной из южных газет, где он упомянул вначале, что “мы приехали в Царицын с контрреволюц[ионными]” целями... т.е. гадко спровоцировал всех... зачем и почему? По слепому ли фанатизму или... слепому же эгоизму? “Хорошо, — добавил М[инин], что вас, по дальнейшему существованию статьи, можно было исключить: Вы уехали в середине июля, а подозрительные события разыграли в середине августа...” Но Чебышев расстрелян поэтому... Я припоминаю его бледное лицо, когда он посадил меня в вагоне в Москве... Он скрыл все от меня, говоря лишь о своей заграничной командировке... вероятно, к[а]к об ястре. Затем М[инин] описал мне поведение: Чебышев в момент приближения казаков был уличен в каком-то списке, отправке двух вагонов по неизв[естному] адресу, еще в чем-то и в саботаже (не его ли нудное критиканство, к[ото]р[о]е и меня раздражало); Нос[ович] и Ков[алевский] — в злостном саботаже: 1^й, напр[имер], в одобрении предательских окопов (обстреливались и стекалась вода... вырыл Скляр, стараясь вести по границе) и т.п. 2^й — в немении, напр[имер], карт, когда Запад[ного] района “было 400”...

Краснокутский, Рождественский тоже в чем-то... Этот саботаж описан М[инины]м очень красочно, и рядом с этим, для картинности, набросана очень яркая картина их кипучей деятельности... если и не точно, то очень умно и тонко...» (Дневник А.Е. Снесарева. 1919 г. С. 1009-1011 // Архив семьи Снесаревых).

Еще одним косвенным подтверждением причастности Ковалевского, а также Тарасенкова и Чебышева к подполью служит письмо Снесарева супруге от 26 сентября 1918 г., в котором он отмечал, что «из своих прежних сослуживцев видел Ковалевского (которого, может быть, удастся взять к себе); Чебышева и Тарасенкова. О них рассказали мне много дурного и, пожалуй, даже ужасного о жизни после моего отъезда, и я принял некоторые шаги к облегчению некоторых, которые еще и теперь несут на себе последствия какого-то чудовищного недоразумения, или, может быть, человеческой глупости и мстительности. Особенно меня интересует во всей этой истории роль Минина, которого я успел хорошо узнать, оценить и даже полюбить, несмотря на разницу наших политических мировоззрений... Думаю ему писать письмо» (Архив семьи Снесаревых).

¹⁰⁰ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 1. С. 87.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 2. Даже генерал П.Н. Врангель в Крыму в 1920 г. посчитал необходимым сделать Востокову внушение, дабы прекратить деструктивные погромные выступления священника (Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 353).

¹⁰² В конце 1918 г. по делу о причастности к белогвардейским организациям штаба Южного фронта Особым отделом Южного фронта были арестованы помощники начальника оперативного отделения штаба фронта Вержболовский и Гебель, адъютант командующего фронтом П.П. Сытина Вольфганг и комендант поезда Сытина Буячкин, признанные невиновными. В то же время была установлена связь с противником начальника разведывательного отдела З.Б. Шостака, его помощника Н.В. Бодака и начальника штаба фронта А.Н. Ковалевского, а также стенографистки РВС фронта Н.В. Востоковой (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 2). Все они были расстреляны. Шостак обвинялся в хранении чистых бланков со штампами и печатями высших советских учреждений, в принятии на службу голландского военного корреспондента Л. Грондайса (Грондейса) из Добровольческой армии. Шостак ездил с Грондайсом в Москву, передавал корреспонденту военные сведения, информировал британского дипломата и разведчика Б. Локкарта о положении на Юге России, снабжал контрреволюционеров документами высших советских учреждений (РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 130. Л. 1-10б.) и под влиянием Грондайса представил Л.Д. Троцкому доклад о необходимости привлечения помощи союзников. О том, что Шостак был интеллигентным человеком, разочаровавшимся в большевистских методах и вышедшим из-за этого из партии, свидетельствовал А.Л. Носович (ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 2. С. 98). Бодак также хранил бланки. Подробнее о Грондайсе см.: *Grondijs L.-H. La guerre en Russie et en Sibirie*. Paris, 1922; *Jansen M. L.H. Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // Revolutionary Russia*. 1994. Vol. 7. № 1. June. P. 20-33; Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих страгетов» / публ. Р.Г. Гагкуева и С.Г. Шиловой // Историк. 2016. № 5 (17). С. 28-31.

¹⁰³ Алексеевская организация существовала как зародыш Добровольческой армии осенью 1917 г.

¹⁰⁴ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 18.

¹⁰⁵ Ср. показания Носовича: «Что касается Алексеева, то связь моя с ним не идет дальше того, что я знал, что он был Верховным главнокомандующим и бывшим руководителем в академии Генерального штаба. Я знал, что это Алексеев, он, может быть, знал, что я — Носович» (РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 7).

¹⁰⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 6.

¹⁰⁷ Там же. Л. 14.

¹⁰⁸ Интервью автора с внучкой А.Н. Ковалевского О.И. Михайловой. Санкт-Петербург, 14.12.2016 // Архив автора.

¹⁰⁹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 19.

¹¹⁰ Там же. С. 19–20.

¹¹¹ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 2. С. 109.

¹¹² Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1. С. 663.

¹¹³ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (2) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов. С. 22.

¹¹⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 124. Л. 304.

¹¹⁵ Так в документе.

¹¹⁶ РГВА. Ф. 33221. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

¹¹⁷ ВДИС. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (3). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 2. С. 106.

¹¹⁸ Подробнее см.: Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175.

¹¹⁹ Дата по старому стилю.

¹²⁰ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 276–276об.

¹²¹ Там же. Л. 276об.

¹²² Их републикацию д.и.н. А.В. Венковым см.: Носович А.Л. (А. Черноморцев). Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. М., 2010.

¹²³ «Вредить большевизму всеми возможными способами». С. 61–67. К сожалению, в публикации были допущены многочисленные неточности по сравнению с исходным документом.

¹²⁴ Дудник В., Смирнов Д. Ответ профессору Э.Б. Генкиной // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 122; *Argenbright R. Red Tsaritsyn: Precursor of Stalinist Terror // Revolutionary Russia*. 1991. Vol. 4. № 2. P. 173–175.

¹²⁵ Только среди выпускников Николаевской военной академии, служивших в РККА, удалось установить 561 случай переходов из РККА в антибольшевистский лагерь (Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 220).

¹²⁶ О мировоззрении гвардейцев в Гражданскую войну см.: Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 174.